

— Ты всё ещё хранишь её Лампу души?

Хотя Байли Нинцин испытывала сильную неприязнь к Мо Чэньсян, услышав такие слова, её сердце смягчилось. Она погладила подбородок, думая, не слишком ли резко она выразилась в порыве гнева.

Лампа души похожа на личный артефакт, при её создании в неё вливают каплю крови. Пока человек жив, лампа не гаснет, и её состояние отражает состояние владельца. Если он находится на грани смерти, свет лампы тускнеет, что сразу становится заметно.

Она была справедлива и понимала людей. Хотя некоторые вещи ей не нравились, она всё же могла понять трудности других. Просто из-за того что её близкий человек чуть не пострадал, она так разозлилась.

После вспышки гнева её настроение немного успокоилось, и, услышав, что Мо Чэньсян всё ещё хранит Лампу души, она почувствовала жалость.

— Эх, хотя мне странно это говорить.

Она вздохнула, нахмурившись.

— Эта женщина не была хорошим человеком. Хотя ты первой поступила неправильно, даже если бы этого не случилось, она, скорее всего, всё равно предала бы тебя в будущем. К тому же она, кажется, уже отпустила это, так что, может, и тебе стоит отпустить?

Она была прямолинейна, и между ней и Чжу Маолинем не было никаких скрытых намёков, поэтому она старалась держаться подальше от любых любовных драм. Но на этот раз, видя, как Мо Чэньсян страдает, она не смогла удержаться и дала совет.

Затем она добавила:

— Твою Лампу души она уже выбросила, так что...

На этом она остановилась, не зная, что добавить. Но и не нужно было, Мо Чэньсян, услышав первые слова, не стала ждать ни секунды и исчезла в облаках.

— Чёрт...

Спустя долгое время Байли Нинцин убрала оружие, и в её глазах появилось раздражение.

— Чёртово проклятье, как всё надоело!

В доме Чан Ли всё ещё сидела на бамбуковой кровати, спокойно ожидая. С её уровнем силы она, конечно, не могла понять, что происходило снаружи, да и не интересовалась этим. В её голове снова и снова звучали последние слова Байли Нинцин.

Байли Нинцин сказала, что собирается забрать внутренний Дань, что означало, что она знала, где находится Чжун Минчжу.

Но откуда она это знала?

Все эти дни Чжу Маолинь и Байли Нинцин не покидали бамбуковую рощу. Даже если Чжу Маолинь был на этапе Прозрения пустоты, найти кого-то в бескрайнем мире было невозможно. Более того, они всё это время обсуждали, как справиться с Цяньмянь Янем, и никогда не

упоминали о местонахождении Чжун Минчжу.

Одной из возможностей было то, что на Чжун Минчжу была наложена следящая печать, но когда она поместила Дань в её Кольцо-хранилище, она не заметила ничего лишнего, всё было так же, как и при её прибытии. Следящая печать, способная указывать местоположение на таком расстоянии, должна была иметь материальный носитель, иначе она быстро бы исчезла.

Другой возможностью было то, что Чжун Минчжу также была остановлена Байли Нинцин, но Байли Нинцин обещала не трогать её, и с её силой зачем было прибегать к таким мерам.

Или, возможно, — Чан Ли вспомнила, как в первый раз в уезде Цинъян она узнала, что в доме, о котором говорила Чжун Минчжу, сейчас жил Чжу Маолинь. Если это не было совпадением, то это было частью плана.

Возможно, они знали о происхождении Чжун Минчжу.

Возможно, она могла попытаться спросить.

Её пальцы непроизвольно сжались, это было то, что она никогда раньше не делала.

Триста лет она шла по пути, который её учитель и наставники проложили для неё заранее. Но на этот раз она словно попала в незнакомое место, где перед ней было множество путей, каждый из которых вёл в неизвестном направлении.

Внезапно в её лбу возникла острая боль, словно острый клинок вонзился в череп.

Она подняла руку, прижав её ко лбу, и начала про себя читать заклинание очищения разума из Заклинания Истинного Воина, Хранящего Исток.

С самого детства она иногда чувствовала боль в лбу, это происходило нечасто и без какой-либо закономерности. Иногда несколько раз в год, иногда не было ни разу за десятилетия.

Об этом знали только её учитель и два наставника. В детстве младший наставник несколько раз осматривал её, но так и не нашёл причину. Поскольку это не влияло на её тренировки, они постепенно перестали обращать на это внимание. За те сто с лишним лет, что она провела с Чжун Минчжу, это случилось всего несколько раз, и боль была мимолётной, поэтому она не упоминала об этом.

Но на этот раз боль была сильнее, чем когда-либо, словно её череп собирался расколоться. Она прочитала заклинание очищения разума десять раз, но боль не утихала. Она прерывисто дышала, непроизвольно морщась от боли, её руки на коленях слегка дрожали.

Кажется, только в первые разы боль длилась так долго, она смутно вспомнила те времена.

В первый раз она, кажется, потеряла сознание, а когда открыла глаза, увидела обеспокоенный взгляд младшего наставника и его покрасневшие глаза. Тогда она не понимала, почему его глаза были красными, пока во время одного из следующих приступов, сквозь боль, она увидела, как младший наставник плачет, а старший наставник, стоя на коленях, обнимал её, и его глаза тоже были красными. Тогда она поняла, что в тот раз младший наставник плакал, поэтому его глаза были красными.

Но почему он плакал?

Она всё ещё не понимала, хотела спросить его, но потом долгое время не видела обоих наставников. Даже когда они приносили еду, они быстро уходили, не показываясь на глаза. Со временем она забыла о том, чтобы спросить, а потом, когда она перешла на питание духовной энергией, ей больше не нужно было выходить из павильона мечей, и все разговоры проходили через стену. Следующая их встреча произошла через двадцать пять лет после того как Цяньмянь Янь ушёл раненым.

Возможно, боль была настолько сильной, что её мысли спутались, и в её голове начали появляться мысли, которых раньше никогда не было.

Например, хотя её воспитывали два наставника, на самом деле она видела их всего несколько раз, а учитель появлялся ещё реже. Иногда он давал ей советы по технике меча, но всегда через плотную завесу, она слышала его голос, но никогда не видела его лица.

Например, когда она оставила Чжун Минчжу на пике Тяньтай, а потом вернулась и столкнулась с её вопросами, это был первый раз, когда кто-то так громко с ней разговаривал.

Или, например, она собиралась выбросить нить агата Наньмин в Кольцо-хранилище, потому что не знала, что это было украшение.

Беспорядочные фрагменты, сначала большая часть была пустой, потом появились цвета, и те, что были окрашены, почти все были связаны с Чжун Минчжу.

Оказывается, она провела с ней так много времени, даже больше, чем с мечами в павильоне мечей.

— Ммм!

Глухой звук вырвался из её горла, боль в лбу внезапно отступила, как отлив. Чан Ли тяжело дышала, её плечи дрожали. Прошло много времени, прежде чем она медленно опустила руку. Хаос в её мыслях мгновенно исчез, её разум стал пустым, и она даже на мгновение забыла, где находится.

Когда её тело расслабилось, по её щеке скатилась прохладная капля. Она провела рукой по лицу и поняла, что покрылась холодным потом, а на ладони остались следы от ногтей.

А боль, словно её никогда и не было, исчезла без следа.

Что же это было...

В её ушах раздался холодный смех, напоминающий шипение змеи. Знакомое давление духовной силы приближалось, и Чан Ли мгновенно вылетела из дома на мече. В следующее мгновение место, где она только что была, раздался звук ломающегося дерева, словно его сдавила невидимая сила.

Как только она вышла, Чжу Маолинь наложил на неё защитное заклинание.

— Что за чертовщина?

Закричала Байли Нинцин. Перед ней стоял даос в жёлтом одеянии, скрестив руки и усмехаясь.

Его лицо было воскового цвета, глаза узкие — это был Цяньмянь Янь.

— Почему разрушился барьер?

Байли Нинцин отразила несколько ударов Цяньмянь Яня, её лицо выражало ярость.

Чжу Маолин не отвечал, его лицо было мрачным. Он стоял в воздухе над бамбуковой рощей, быстро рисуя рукой символы. Сложные духовные узлы расходились от него, постепенно покрывая рощу.

Лу Линь даже использовал Цичжэ, но всё равно опоздал. Они, должно быть, наложили заклинание на Цичжэ по пути.

Но время всё равно не сходилось. Цичжэ мог долететь с горы Кунью сюда всего за три дня, но наложение заклинания на бамбуковую табличку требовало времени, нужно было заранее подготовить духовный инструмент. Даже если они начали в первый день прибытия Чан Ли, времени всё равно не хватило бы. Когда он получил письмо от Лу Линя, он подумал, не обратится ли секта Тяньи к Юй Юань, чтобы разрушить барьер силой. Но тогда Мо Чэньсян и Цичжэ уже прибыли, и он как раз проверял бамбуковую табличку, принесённую Цичжэ. Не успел он моргнуть, как барьер был разрушен.

И он не ожидал, что Цяньмянь Янь придёт первым.

И он всё ещё не знал, где находился третий носитель.

<http://bllate.org/book/16292/1468697>